

М.А. АРАДЖИОНИ

Рецензия на кн.: В. Αὐτζίδης. Ποντιακός Ελληνισμός από τη γενοκτομία και το σταλιισμό στην переστρόικα. Θεσσαλονίκη, 1995.

Агдзидис В. Понтийские греки: от геноцида и сталинизма к перестройке. – Салоники: Бр. Кирьякиди, 1995. - 4-е изд. - 12,5 п.л.

Монография В.Агдзидиса является, бесспорно, интереснейшим научно-популярным изданием, освещающим сложные перипетии истории XX в. и, на их фоне, судьбы греков – жителей Понта. Одним из важных достоинств книги является ее актуальность и публицистичность: она была написана в 1989 г., когда только началась масштабная эмиграция греков из Советского Союза. Автор вновь привлек внимание к теме «русских понтийцев» и познакомил греков с историей СССР. Обращаясь к теме беженцев, он попытался своей книгой примирить население Греции с притоком новых переселенцев, которые часто вызывают недовольство обывателей. Вопросы, затронутые в ней, чрезвычайно актуальны для современной Греции, так как сейчас, когда страну захлестнула новая волна репатриантов (в основном это греки-понтийцы из Грузии), правительство и общественность вынуждены решать те же проблемы, что и в 1920-30-е гг.

Как известно, история не только рассказывает о прошлом, но и учит. В.Агдзидис, излагая трагические события «малоазийской катастрофы», пытается показать роль политических деятелей Европы и Америки, а также различных неправительственных организаций в этих событиях, дать им оценку и показать корни современных общественно-политических проблем Греции. Автор отмечает, что от того как политики извлекут уроки из прошлого, зависит насколько быстро новые граждане страны пройдут период адаптации и интеграции в социальные и экономические сферы общества, а значит благосостояние государства и общественный мир.

Книга уже выдержала четвертое издание (первое – в 1990 г.) и привлекла к себе внимание как исследователей, так и общественности. Интерес читателей к труду В.Агдзидиса не случаен: он написан живым, доступным языком и, в то же время, основан на большом круге источников и литературы. В нем широко используются фольклорный материал и мемуарная литература, воспоминания, которые автор собрал самостоятельно во время поездок по греческим селам или исследовал в частных и рукописных архивах. Издание хорошо иллюстрировано документальными фотографиями, картами, рисунками, снабжено справочным аппаратом.

Наряду со многими положительными отзывами о данной книге, позволю себе высказать некоторые замечания по ее содержанию. Общим недостатком работы можно считать слабость или, вернее сказать, односторонность источниковой базы: автор не владеет русским языком, поэтому основную информацию об истории греческой диаспоры в СССР почерпнул из западных изданий. В книге были использованы также грекоязычные газеты, выходившие в 20-30-е гг. в Советском Союзе, и современная греческая пресса (в т.ч. «Московские новости» на греческом языке). Действительно, В.Агдзидис скрупулезно проработал большой объем зарубежной литературы и довольно удачно ее цитирует, однако зачастую только этим и ограничивается, не проверяя достоверность приведенной информации. Как следствие этого – изобилие неточностей и ошибок.

Так, В.Агдзидис пишет: «Россия с XIX в. выдвигает идею греческой монархии с православным царем» (с. 9), однако «Греческий проект», как известно, вызрел намного раньше. Идеологической почвой его возникновения явилась доктрина «Москва – Третий Рим», культивировавшаяся в России с XVI в. Со времен Петра I началось усиление влияния России на мировой арене и ее экономической мощи, она начала упорно продвигаться к Черному морю. Ряд военных успехов в войне с турками потребовали идеологического обоснования новой аннексии территории Османской империи и дальнейшего расширения влияния на страны Балкан и Малой Азии. Все это привело к тому, что идеи «славянского братства» и духовного греко-славянского единства приобрели новое звучание. Мечты о возрождении Византийской империи могли найти конкретное воплощение в жизнь. В связи с этим, правительство Екатерины II начало разрабатывать «Греческий проект», хотя его основные положения были высказаны почти на столетие раньше (1, с. 57-60). Насколько всерьез относились к практическому осуществлению «проекта» свидетельствует и то, что своего внука царица назвала нетрадиционно династическим именем Константин и прочила ему трон в освобожденном Царьграде.

«Крым до 13 в. (до завоевания его татарами) был территорией, заселенной исключительно греками», со ссылкой на И.Лаврентидиса (2, с. 15) отмечает автор (с. 127). Это утверждение любому читателю, хотя бы немного знакомому с историей Крыма, может показаться странным, так как «забыты» аланы, готы, гунны, хазары, половцы, армяне, венецианцы, генуэзцы и другие народы, жившие на полуострове. Вообще, ученые весьма скептически относятся к численности собственно греческого населения Таврики, чаще говорят о «православных христианах», подразумевая под этим термином представителей различных племен, воспринявших христианство вместе с греческим языком и культурой (3, с. 138).

Следующая, довольно грубая неточность, связана с цифрами: на с. 127 автор пишет «около 30000 греков переселилось из Крыма в Приазовье в 1775 г.». Тут же приводится ссылка на статью И.Джуха в «Московских новостях». Однако, вряд ли это ошибка Джухи – в своих работах он не раз приводил верные данные. Действительно, 1775 г. – знаменательная дата в истории Крыма, однако в этот год в Керчь прибыли греки-военнослужащие из Архипелага и Северной Греции. Выселение же крымских христиан произошло на три года позже – в 1778 г. Из общего числа переселившихся (около 32 тыс.), греков было 18300, остальные – армяне, валахи, грузины (4, с. 712-714). Таким образом, В.Агдзидис почти на 12 тысяч человек увеличил реальную численность крымских греков-старожилов.

Очередной экскурс в историю греков Украины таюже изобилует ошибками, вероятно не без «помощи» Э.Павлидиса (5, с. 92-93). Читаем: «в 1809-1812 гг. из одесских греков был создан «Греческий легион», который в ходе Крымской войны соединился с «греческими батальонами» Крыма» (с. 128). Вначале уточним когда именно и какое формирование было создано под Одессой. В работе Т.Теохариди на этот счет существует исчерпывающая и точная информация: в 1795 г. вместе с купеческой колонией греков в Одессе возникло и сельское поселение Александровка. Его основали недалеко от города греки и албанцы, которые сражались в войне против турок на кораблях флотилии Л.Кацониса. Из них был учрежден дивизион, однако в 1797 г. он был распущен и вновь восстановлен как Одесский греческий батальон в 1803 г. Через 16 лет (1819 г.) его снова упразднили, а желающие продолжить военную службу перевелись в Балаклавский греческий батальон (6, с. 1-40). Таким образом, хронологические рамки существования Одесского греческого батальона, которые привел В.Агдзидис со ссылкой на Павлидиса, совершенно не соответствуют действительности. К тому же, в Крыму существовал лишь один Греческий батальон, который, как военная часть, прекратил свое существование сразу после Крымской войны (7, с. 205-240; 8, с. 2-4).

На наш взгляд, автор неоправданно выделил в статистической таблице районы компактного проживания греков. Непонятно, почему объединены в одну группу Приазовье, Ростов, Таганрог, Керчь, Мариуполь; в другую – Крым, Севастополь, Ялта, Симферополь, Феодосия, Мелитополь (с. 129). Было бы логичнее в Приазовской группе показать отдельно Мариуполь с близлежащими селами и Ростов – Таганрог; Керчь следовало бы включить в Крымскую группу. В свою очередь, Мелитополь было бы правильнее соединить с Херсоном и Николаевом. Такое деление более точно обозначает территории компактного расселения греков и отвечает истории формирования их общин (9, с. 61-74). В книге также приведен перечень 34 городов, где существовали греческие общины, которые имели свои церкви и школы (с. 130). Мариуполь в этом списке не указан вообще, хотя в нем действовало 4 греческих храма, не говоря уже об учебных заведениях (10, с. 80-114; 11, с. 95-121).

Со ссылкой на Э.Павлидиса (5, с. 91) автор отмечает, что «понтийские греки привезли со своей родины семена табака и научили его выращивать жителей Крыма и Кавказа» (с. 131). Как свидетельствуют документы и исследования этого периода, в XVII-XIX вв., еще до появления общин понтийских греков в Крыму, разведением табака уже занимались армяне и крымские татары. Правда, производили его немного, для собственного потребления. Греки, переселившиеся с полуострова в Приазовье, эту культуру не выращивали вообще, однако, небольшие плантации имели грузины и армяне, также вышедшие из Крыма.

В 1826 г. севернее Мариуполя греками из Малой Азии (Анатолии) было основано с. Анадоль. Их специализацией, в отличие от местных греков, было табаководство, и именно они вскоре стали основными поставщиками сырья на армянские табачные фабрики в Ростове-на-Дону. В 1835 г. здесь появились первые плантации, а в 1842 г. 59 семей греков-анатолийцев произвели 1850 пудов табака, тогда как грузины Игнатьевки всего 200. Таким образом, можно говорить о том, что табаководство являлось основной отраслью сельскохозяйственного производства некоторых народов, в том числе и греков, однако не только понтийцев, но и анатолийцев в целом, в то же время средневековые крымские – мариупольские греки этим промыслом не занимались, хотя в их числе наверняка были выходцы из Понта. К тому же нельзя забывать, что табак,

как сельскохозяйственную культуру, привезли из Америки и отнюдь не греки были первооткрывателями и пионерами в его производстве в Европе (12. с. 22-23; 13. с. 49).

Автор, со ссылкой на работы П.Аршинова (14; 15), указал на то, что в махновском движении участвовала значительная часть греческого населения Южной Украины, из-за чего многие села Приазовья были впоследствии разрушены большевиками (с. 57), причем делает ремарку, что на этот счет имеются документы в ряде западных архивов. Действительно, жители некоторых сел давали приют махновцам, но о массовом участии греков в боевых действиях на стороне этого формирования и о последующей «мести» большевиков наша историография умалчивает. Возможно, этот факт имел место, однако в наших архивах мы не встречали документальных подтверждений. Мариупольские греки значительно пострадали при «раскулачивании», во время коллективизации и репрессий 1934-1939 гг., но даже в этот период села не подвергались разорению. На наш взгляд, приведенные факты нуждаются в дополнительном исследовании и перепроверке.

Достаточно удачно автор излагает полемику вокруг преподавания греческого языка в школах СССР (с. 160-166). Тут же, со ссылкой на А.Карпозилоса (16. с. 154), В.Агдзидис приводит ряд данных, которые являются ошибочными. Так, например, неправильно истолкована цитата из М.Сергиевского о количестве греков-эллинофонов (82113 из 97739 чел.) в Приазовье в 1926 г. (с. 167). М.Сергиевский действительно отмечал, что по переписи 1926 г. в Приазовье 97739 чел. назвали себя греками, но греческий язык определили как родной 82113 чел. (16, с. 533). Однако, при этом надо учитывать, что мариупольские греки-тюркофоны именуют свой язык «урум тили», что в дословном переводе означает «румейский/греческий язык», поэтому по-русски урумы свою речь называют «греческой». Чтобы не путать «урумджа» с «румейкой», в Приазовье употребляют термины «греко-татарский» и «греко-эллинский» языки. Таким образом, приведенная цифра (82113 чел.) показывает общее число тюркофонов и эллинофонов. Остальные респонденты-греки (по данным М.Сергиевского) родными языками считали славянские (русский, украинский).

Это также подтверждается статистическими данными, опубликованными С.Г.Яли: в окрестностях Мариуполя в конце 30-х гг. проживало 49761 румеев, 42359 урумов и еще 5000 греков-горожан, смешанных в языковом отношении (18, с. 62-64). Итого – 97120 человек, что коррелирует с числами М.Сергиевского, причем, соотношение количества тюркофонов и эллинофонов приблизительно равное, с незначительным преобладанием румеев.

Термин «мариупольский диалект», употребляющийся по отношению к языку эллинофонов Приазовья, также не верен. Еще А.Белецкий в 1970 г. (19, с. 5-10) отмечал, что их язык является самостоятельным, имеющим 5 диалектов, и назвал его «крымско-румейским», что отражает место и отчасти время его формирования, а также родовую (этническую) принадлежность. Термин «мариуполитика», который используют и А.Карпозилос и В.Агдзидис, является неудачным еще и потому, что изначально г. Мариуполь был населен греками-тюркофонами. Таким образом, это название может ввести читателя в заблуждение: какой же все-таки из двух языков приазовских греков имеют в виду авторы.

Далее В.Агдзидис упоминает о том, что «в 1930 г. на мариупольском диалекте издаются газеты «Коллективист» и «Большевик», в 1931 г. – «Колхозник» (с. 178). Уточним, что первым периодическим изданием на греческом языке, вернее на

сартанском диалекте крымскотатарского языка, стало приложение к мариупольской газете «Наша правда» – «Ελληνική σελίδα» (здесь и далее соблюдается орфография того времени), которое стало выходить с 28 августа 1930 г. Первый номер газеты Мариупольского горкома КП(б)У «Κολεχτιβιστις» вышел 27 октября 1930 г. В 1931 г. редакция «Коллективиста» организовала две передвижные газеты в крупных греческих селах: в Сартане «Μαχτικός Κολλόζικος» (выходила с июля) и в Ялте «Μπολοσεβίκικα Τέμπα» (с сентября). Таким образом, в приведенной выше цитате несколько искажены названия газет и год первого выпуска «Большевистских темпов». Отметим, что только этими изданиями мариупольцы не ограничились: в августе 1931 г. «Коллективист» стал издавать ежемесячный детский журнал «Νέος Μαχίτις», а в марте 1932 г. «Приазовским пролетарием» была открыта передвижная газета для с. Македонии «Για την 3-τη Μπολοσεβίκικη σπορά» (20, с. 19-21).

Особый раздел книги В.Агдзиди посвящен истории греческих театров в Грузии, вскользь, как старейший, упомянут театр в Одессе (1814 г.), но театральная жизнь Мариуполя вновь вне поля зрения автора (с. 191-192). В 1978 г. в Мариуполе, одновременно с двухсотлетием города, широко отмечался столетний юбилей театра, который был основан в 1877-1878 гг. В.Л.Шаповаловым, местным уроженцем, сыном греческого купца Елевфера (Леонтия) Кечеджи-Шаповалова (искаженная русская калька фамилии Кечеджи-Шаповал). Истории театра и былой славе Мариуполя, как одного из «самых театральных городов провинции», посвящен ряд публикаций Л.Яруцкого (21, с. 171-244).

Отметим лишь, что в этом театре играли, наряду с известными русскими и украинскими артистами, и мариупольские греки. В нем ставились пьесы из мировой классики и древнегреческие трагедии. После революции при Мариупольском театре был создан греческий театральный кружок, который затем стал самостоятельным театральным коллективом. Он осуществлял постановку современных революционных спектаклей и произведений греческих поэтов Приазовья. В 1930-е гг. все члены группы были репрессированы и власти приложили усилия к тому, чтобы стереть из памяти имена этих людей и факт существования греческого театра. Отрадно, что сейчас стараниями местных краеведов эта «белая страница» восстанавливается.

Недостаток источников, а иногда и желание «очеловечить» историю, проиллюстрировать сухие факты, побудили В.Агдзидиса широко цитировать в книге мемуары, дневники, письма и рассказы информаторов. Бесспорно, от этого монография только выигрывает: она становится более интересна читателю и в научный оборот вводятся новые источники. Однако, автор не всегда с должной критикой подходит к сведениям, полученным от информаторов.

В том, что касается данных о численности населения или текстов секретных приказов – истинную информацию может дать лишь непосредственно документ. В этом случае, ссылка на слова или устные свидетельства каких-либо людей, по меньшей мере, не серьезна. Как правило, это искаженные сведения, которые наносят урон авторитету автора и его произведению, а также вводят в заблуждение читателей. Так, например, на с. 229 помещено свидетельство Харлампия Гонидиса о том, что «был приказ Сталина посадить всех греков старше 18 лет в тюрьму, чтобы навсегда исчезла греческая нация. Это и называется геноцидом».

Да, действительно, можно говорить о фактах насилия, которому, кстати, подверглись не только греки, а и крымские армяне, цыгане, крымские татары, немцы, балкарцы и

др. Однако нельзя в данной связи говорить о геноциде, как политике истребления нации (народности). Если обратиться к периоду репрессий 1930-х гг., то в это время пострадали представители всех без исключения национальностей, и больше всего сами русские; если касаться депортации некоторых «малых народов» Крыма и Кавказа, опять-таки, речь шла только о принудительном переселении (ссылке) на другие территории, а не поголовном уничтожении (геноциде), что делали, например, фашисты в отношении евреев. В этой связи правомочнее говорить о грубейшем нарушении Конституции, Прав человека, насилии и произволе, которые повлекли за собой столько невинных жертв. Однако, давайте будем точными в научных оценках и в употреблении терминов: слово «геноцид» здесь не уместно.

Утверждение о существовании приказа «посадить в тюрьму всех греков старше 18 лет» также не выдерживает критики. По возрастному цензу греков в тюрьму не сажали. Иначе как объяснить то, что этот приказ Сталина не исполнили, тогда как беспрекословно выполнялись указы о массовых политических расправах и ссылках целых народов? Почему сейчас, когда уже около десяти лет ученые работают над этой темой в архивах бывшего КГБ и рассекреченных фондах других архивов, этот документ не был обнаружен? Ведь если существовало специальное предписание, то даже под грифом секретности оно должно было иметь все атрибуты официального документа: дату, исходящий номер, адрес и т.д., отмечаться в книгах регистрации исходящих документов. По всей видимости, свидетельство Х.Гонидиса не имеет под собой реальной основы, эта информация из рода «слухов», а автор привел ее как факт.

Другой пример. На с. 249 В.Агдзидис приводит цитату из интервью в «Московских новостях» доктора философских наук Т.Кессиди: «в 1944 г. из Крыма было выслано 70 тыс. греков». Цифра потрясающая, если еще принять во внимание, что на 17 декабря 1926 г. в Крыму проживало всего 16036 греков (22, с. 2). По данным Ю.А.Лешукова в 1944 г. из Крыма было депортировано 14350 греков (23, с. 46). Из рассекреченных архивных документов (24, с. 73-78) следует, что число греков-спецпоселенцев в местах их нового местожительства составляло 14760 чел. (по состоянию на 1.01.1953 г.). Учитывая высокую смертность при депортации и слабый прирост населения в первые годы ссылки, можно утверждать, что данные обоих исследователей коррелируют. Таким образом мы не имеем основания увеличивать количество депортированных из Крыма почти в 4,5 раза, как это сделал профессор Кессиди. Также нам представляется значительно завышенной, по крайней мере на 100 тысяч человек, общая численность греков СССР, приведенная Т.Кессиди (500000). Из какого источника он взял эти цифры? Остается гадать. Жаль только, что ложная информация, «кочующая» из издания в издание, вводит в заблуждение большое количество читателей.

Следующая цитата В.Агдзидиса из интервью профессора Т.Кессиди: «Не секрет, что греки СССР за редким исключением не могли даже думать о том, чтобы занять более-менее высокий пост в государственной, партийной, военной и даже научной иерархии». Это звучит по меньшей мере странно из уст грека-академика. Можно привести достаточно много примеров, сколько известных в СССР людей вышло из среды греков. Не спорю, в отношении крымских и кавказских греков, подвергшихся депортации или репрессиям, применялись некоторые ограничительные санкции, однако при первой реабилитации в «Хрущевскую оттепель» в 1956 г. они были официально отменены и конечно не распространялись на всех греков СССР.

Отмечу еще одну характерную черту монографии В.Агдзидиса: она написана греком

и для греков и отражает отношение населения Греции к СССР, к его политике, людям, культуре в общем и к грекам диаспоры в частности. Наш читатель, знакомясь с книгой, имеет редкую возможность другими глазами взглянуть на прошлое своей страны. В ней также сконцентрированы многие ошибки и заблуждения, присущие греческим историкам, которым «железный занавес» мешал ближе познакомиться с предметом исследования. Поэтому, критикуя книгу В.Агдзидиса, мы не столько отмечаем его собственные просчеты, сколько его предшественников, так как во время работы над рукописью автор не имел доступа к нашей литературе и источникам, а мог лишь хрестоматийно изложить предыдущие исследования.

Сейчас ситуация изменилась, появилась масса новой информации и рукопись 1989 г., которая выдержала четыре издания, явно нуждается в доработке. Не устарели идеи – устарели факты и достаточно ясно сейчас стали видны ошибки. Главный недочет В.Агдзидиса в том, что он не вносит изменения и не дополняет свой труд новой информацией перед очередным переизданием. Особенно это касается истории и культуры греков Украины, с которыми он знаком значительно слабее, чем с греческой диаспорой на Кавказе.

Другой момент – книга написана греком-пантийцем и посвящена «кровной теме». Отсюда ее публицистичность, ее сила, ее боль и некоторые «перегибы». Для В.Агдзидиса это не просто события истории – это судьба его семьи, его близких, поэтому сквозь строки книги мы видим и глубокое страдание, скорбь о своем народе, потерявшем землю предков и пролившем столько крови, и безмерную гордость за столь богатую историю и культуру Понта и шире – Греции, которая иногда граничит с национальной исключительностью. Наверное это естественно: как бы ученый не пытался быть «беспристрастным», он в первую очередь плоть от плоти своего народа, человек, гражданин. Тем более трудно быть «сторонним наблюдателем», когда описываешь своих современников, являешься свидетелем истории. При всем этом, надо отдать должное, В.Агдзидису в общем удалось выдержать тон повествования и не увлечься «национальным самолюбованием».

В заключении отметим, что В.Агдзидис – талантливый, ищущий и плодовитый автор, которому блестяще удаются и исторические экскурсии, и скрупулезные анализы политических событий, и популярный стиль изложения. Совсем недавно он защитил диссертацию, полон энергии и новых планов. Пожелаем ему творческого вдохновения и удачи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тиктопуло Я. Мираж Царьграда // Родина. 1991. №11-12.
2. Λαυρεντίδης Ισαάκ. Οι εκ Σοβιετικής Ενώσεως Έλληνες Ποντιακής Καταγωγής και τα εκ της συνθήκης της Λωζάννης Δικαιώματά των // Παράρτηματα του "Αρχείου Πόντου". Αθήνα: Επιτροπή Ποντιακών Μελετών, 1986. Παράρτηματα 15.
3. Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. 1973. Вып.10.
4. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Реляции, письма, донесения. М., 1874. Т. 2.
5. Παυλίδης Ελευθέριος. Ο ελληνισμός της Ρωσίας και 33 χρόνια του εν Αθήναις Σωματείου των εκ Ρωσίας Ελλήνων. Αθήνα, 1953.
6. Теохаріді Т.Ю. Грецька військова колонізація на півдні України // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській АН. 1930. Ч.4-5. Вип.1.
7. Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. 1844. Т.1.

8. С(афо)нов Н. По поводу 100-летней годовщины присоединения Керчи и Еникале к Российской империи // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1874. №21-24.
9. Араджиони М.А. Эмиграция греков в Украину в XVI – первой трети XIX в. // Греко-славянское духовное единство. Донецк, 1993.
10. Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.
11. Александрович. Краткий обзор Мариупольского уезда. Мариуполь, 1884.
12. Стевен X. Хозяйство греческих колонистов Мариупольского округа Екатеринославской губернии // Журнал Министерства Государственных имуществ. СПб., 1843. Ч.IX. №5-6.
13. Кондараки В.Х. Сельское хозяйство в Крыму // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1872. Т.1. №2.
14. Αρσίνωφ Π. Το Μαχνοβίτικο Κίνημα. Αθήνα, 1988 .
15. Αρσίνωφ Π. Οι Έλληνες Πόντιοι στο Μαχνοβίτικο Κίνημα // Λιθη του κακού. 1988. № 2.
16. Καρπόζηλος Α. Οι Έλληνες της Μαριούπολης (Ζντάνοφ) και η διάλεκτος τους // Αρχείου Πόντου. 1985. Τ.40.
17. Сергиевский М.В. Мариупольские греческие говоры // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Л., 1934.
18. Ялі С.Г. Греки в УРСР. Харків, 1934.
19. Белецкий А.А. Греческие диалекты на юго-востоке Украины // Балканская филология. Л., 1970.
20. Костан К. З літератури маріупольських греків. Харків, 1932.
21. Яруцкий Л. Мариупольская старина. Рассказы краеведа. М., 1991.
22. Никольский П.А. Население Крыма. Симферополь, 1929.
23. Лешуков Ю.А. О социально-классовых изменениях состава населения Крыма в 40-80-е гг. XX в. // Информационно-методический бюллетень ОПЦ. Симферополь, 1990. Вып.3.
24. Земсков В.Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944-1956) // Крымский музей. Симферополь, 1994. №1.

